

Внѣшнія условія пастырскаго служенія русскаго духовенства.

Прислушиваясь къ современнымъ толкамъ о положеніи православнаго духовенства въ Россіи, нельзя не различить въ нихъ прежде всего двухъ радикально противоположныхъ фракцій: одна—весьма многочисленная—съ своимъ представителемъ, некрасовскимъ Лукою, кричитъ на весь духъ, что всѣхъ лучше на Руси живется попу; другая — менѣе многочисленная — главнымъ образомъ само духовенство—въ большинствѣ тяжело вздыхаетъ отъ этого житья и ждетъ переменъ къ лучшему, ждетъ—цѣлые вѣка. Какая изъ этихъ фракцій болѣе права—рѣшить это довольно трудно по сложности самаго вопроса. На своемъ социальномъ-экономическомъ штандпунктѣ Лука въ своемъ мнѣніи почти правъ и преувеличиваетъ завидное положеніе духовенства не особенно много: духовенство живетъ дѣйствительно сытѣе всѣхъ обездоленныхъ традиціонною крестьянскою нуждою, малоземельностью, неурожаями, нетрезвостью собратьевъ Луки. Однакоже и православное духовенство съ точки зрѣнія своего служебно-соціального положенія можетъ не безъ успѣха возражать противной фракціи слѣдующее: православный священникъ—обязательно семьянинъ — еще съ начала нынѣшняго столѣтія строжайше обязанъ: 1) „въ пристойномъ чину церковному платьѣ и обуви, *въ рясу и сапогахъ* (а не въ лаптяхъ), особливо въ церкви и при исправленіи требъ ходить непремѣнно“¹⁾; 2) имѣть обхожденіе и дружбу съ подобными себѣ священниками, діаконами, съ благородными помѣщиками и съ почтенными купцами и мѣщанами, а не со всякимъ безразборно обходиться и дружиться: ибо

¹⁾ Плательной инструкціи ст. 31.

священники особливо, будучи священнымъ саномъ почтены, должны вести себя *съ осанкою* и тѣмъ другихъ приводить *къ почтенію себя* ¹⁾; 3) воспитывать дѣтей своихъ *честно*, и грамотѣ ихъ начинать обучать по крайней мѣрѣ съ 7-ми лѣтъ, а обуча грамотѣ *отдавать бы въ школы* ²⁾. Принимая во вниманіе, что эти обязанности долженъ выполнить священникъ при доходѣ въ 600 р., имѣющій трехъ дѣтей, воспитывающихся въ духовныхъ училищахъ съ платою за каждого по 150 р. въ годъ, мы увидимъ, что на свое содержаніе съ женою, на дрова, керосинъ, рясу и сапоги, онъ имѣетъ у себя 150 р. (а 450 долженъ чистыми деньгами доставить въ Семинарію или Епархіальное женское училище). При этихъ условіяхъ весьма трудно жить сытѣе Луки и его товарищей. А какъ изворачиваются діаконы и причетники, тою же инструкціею *обязанные „ходить въ сапогахъ непремѣнно“*—объяснить это весьма трудно.—Противная фракція возражаетъ на это съ другой стороны: фактъ—говоритъ она—что въ государственномъ банкѣ и его отдѣленіяхъ (въ провинціяхъ) духовенство даетъ едва ли не большій процентъ вкладчиковъ, чѣмъ прочія сословія, что 1000 р. деньгами сдѣлалась нормою приданого священническихъ дочерей и т. п. Но такое возраженіе къ существу дѣла, очевидно, не относится: ибо имъ нимало не опровергается положенія, что дѣйствительныя средства обезпеченія первыхъ потребностей жизни у бѣлаго духовенства болѣе чѣмъ скромны. Что же касается банка и приданого, то на это можно отвѣчать, что пьянствуй меньше Лука и онъ могъ бы жить не хуже попа. Съ другой стороны—также фактъ, что люди хорошо обезпеченные жалованьемъ и доходами не только не состоятъ вкладчиками банковъ, а весьма часто ихъ должниками. Тутъ слѣдов. вопросъ не о средствахъ обезпеченія, а о личной способности быть бережливымъ и расчетливымъ (или на оборотъ).

Но можетъ быть цифра 600 руб.—взятая нами за норму священническаго дохода—мала? Можетъ быть священникъ получаетъ 1000 и болѣе?

Представимъ нѣкоторыя данныя.

1) Тамъ же ст. 34.

2) Тамъ же ст. 42.

„Въ Калгачинскомъ приходѣ, Онежскаго уѣзда, жалованья *отъ казны* положено священному 166 р. 80 коп., земли во владѣніи причта 3 дес. домъ для помѣщенія есть“.

„Въ Вокнаволоцкомъ приходѣ, Кемскаго уѣзда, жалованья 400 р. въ годъ, разѣздныхъ 60 р. въ годъ; доходовъ водучается причтомъ *до 75 руб.* земли во владѣніи причта 300 дес., домъ есть“.

„Въ Койнасскомъ приходѣ, Мезенскаго уѣзда, жалованья отъ казны 110 р., земли въ пользованіи причта: пахотной 4 дес. 1060 саж. и сѣнокосной 17 дес. 450 саж., домъ общественный“.

„Въ Вознесенскомъ приходѣ Архангельскаго уѣзда, жалованья отъ казны положено священнику 180 р. *въ годъ*, кружечныхъ доходовъ получается причтомъ (семичленный) до 1050 р. въ годъ, земли во владѣніи причта 91 дес. 52 саж., домъ для помѣщенія причта общественный“.

„Въ Колвинскомъ приходѣ, Печорскаго уѣзда, жалованья положено отъ казны 61 р. 84 коп., кружечныхъ доходовъ получается причтомъ (четырехчленный) *до 110 руб.*, земли во владѣніи причта 33 дес.; домъ есть“.

„Въ Оксинскомъ приходѣ, Печорскаго уѣзда, жалованья отъ казны положено священнику 120 р. въ годъ, кружечныхъ доходовъ получается причтомъ *до 170 р. въ годъ*, земли во владѣніи причта 34 дес., домъ для помѣщенія есть“.

„Въ Верхнепаденгско-Николаевскомъ приходѣ Шенкурскаго уѣзда жалованья отъ казны положено 180 р. *въ годъ*, земли во владѣніи причта 17 дес., домъ для помѣщенія причта есть“.

„Въ Дибожскомъ приходѣ, Печорскаго уѣзда, жалованья отъ казны положено священнику 160 р., на разѣзды 60 р., кружечныхъ доходовъ получается причтомъ до 250 р., земли во владѣніи причта 13½ дес., домъ для помѣщенія причта есть“.

„Въ Кондакскомъ приходѣ, Кемскаго уѣзда, жалованья отъ казны положено священнику 400 р. въ годъ, квартира для причта отъ общества“.

„Въ Бѣлошельскомъ приходѣ, Мезенскаго уѣзда, жалованья отъ казны положено священнику 400 р. въ годъ, причтоной земли 5 дес. 1800 саж.

Діаконскія мѣста въ той же епархіи:

„Въ Ямскогорскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда, кружечнаго дохода получается причтомъ до 400 р. въ годъ, земли во владѣніи причта 33 дес., домъ для помѣщенія причта есть“.

„Въ Могченскомъ приходѣ, Печорскаго уѣзда жалованья положено 40 р. *въ годъ*, кружечныхъ доходовъ получается причтомъ до 500 р. въ годъ, земли во владѣніи причта 28 дес., домъ для помѣщенія причта есть“.

Псаломщическія мѣста:

„Въ Тельвисочномъ приходѣ, Печорскаго уѣзда жалованья отъ казны положено псаломщику 112 р. 19 коп., кружечныхъ доходовъ получается причтомъ *до 30 р. въ годъ*, домъ для помѣщенія есть“.

При Кольскомъ соборѣ жалованья отъ казны положено псаломщику 53 р., доходовъ получается причтомъ до 600 р. въ годъ, земли во владѣніи причта 5 дес., домъ для помѣщенія есть.

„Въ Бѣлошельскомъ приходѣ, Мезенскаго уѣзда жалованья отъ казны положено псаломщику 200 р. въ годъ, земли во владѣніи причта 5 дес. 1800 саж.“.

„Въ Ухтоостровско-Троицкомъ приходѣ, Холмогорскаго уѣзда, жалованья отъ казны положено псаломщику 40 р. въ годъ, кружечныхъ доходовъ получается причтомъ до 150 руб. въ годъ, земли во владѣніи причта 19 дес., домъ для помѣщенія причта есть“¹⁾.

Какъ видно отсюда, въ Архангельской епархіи за 1893-й годъ завидныхъ приходскихъ мѣстъ не открывалось. Поѣдемъ-же, читатель, въ какую нибудь другую епархію, напр. *Екатеринбургскую*. Здѣсь за прошлый годъ свободными мѣстами между прочимъ значились:

Священническія:

Въ Шадринскомъ уездѣ: при единовѣрческой церкви Казаконскаго села: на содержаніе причта положено отъ казны жалованья 160 р., земли пахатной и сѣнокосной 99 десят., домъ для священника церковный, душъ муж. и. 919 и ж. 860.

При Покровской церкви Нечано-Колединскаго села: жалованья священнику 144 р. братскихъ доходовъ поступаетъ до 157 р. въ годъ, для священника церковный домъ; душъ муж. пола 989, ж. 1095.

Въ Верхоурскомъ уездѣ: При Срѣтенской единовѣрческой церкви Кувшинскаго завода жалованья священнику 205 р. въ годъ и квартирныхъ 90 р., для священника церковный домъ (свѣдѣній о доходахъ въ клировой вѣдомости не показано), душъ муж. пола 669 и ж. 687.

При Свято Троицкой единовѣрческой церкви Нижне-Тагильскаго завода (3-я вакансія): на содержаніе причта выдается отъ заводовладѣльца жалованья съ натуральными пособіями 1372 р 14 коп. въ годъ, священнику имѣется готовая квартира; прихожанъ при сей церкви муж. п. 4318 д. и ж. 4778.

При Максимовской церкви Турьинскихъ рудниковъ: жалованья священнику 215 р., квартирныхъ 90 р., доходовъ получается до 3000 р. причтъ получаетъ $\frac{1}{10}$ съ казны до 1000 р. душъ муж. пола 4398, ж. 4850²⁾.

Въ Шадринскомъ уездѣ: при единовѣрческой церкви Горскинскаго села: жалованья священнику 120 р., для священника готово помѣщеніе; для причта имѣется земли пахатной 43 десят. и сѣнокосной $6\frac{1}{2}$ дес., душъ муж. п. 709 и ж. 728 (свѣдѣній о доходахъ въ клировой вѣдомости не имѣется).

Въ Ирбитскомъ уездѣ: при Вознесенской церкви Волковскаго села: жалованья священнику 105 р. 84 коп., доходовъ поступаетъ до 995 р., земли для причта 90 дес. (пахатной) и сѣвокосной 9 дес., душъ муж. пола 976 и ж. 1049.

Псаломщическія мѣста:

Въ Шадринскомъ уездѣ, при Николаевской церкви Деминаскаго села: жалованья псаломщику 40 р. въ годъ, 10 саж. дровъ и 1 пудъ свѣчь; руги по 3 пуда съ вѣнца; доходовъ поступаетъ до 163 р., для причта готовая помѣщенія, душъ м. 865 и ж. 886.

¹⁾ Архангельскія Епарх. Вѣдом. 1893. № 20.

²⁾ Екатеринбургск. Епарх. Вѣд. 1893. № 43.

При Христорожественской церкви Ольховскаго села: жалованья *на причтъ* положено 276 р. 36 коп., братскихъ доходовъ поступаеть до 450 р., предоставлены сборъ хлѣба отъ прихожанъ; душъ м. 2505, ж. 2688.

При Введенской церкви Новопесковскаго села жалованья псаломщику положено отъ прихожанъ 120 р. 50 к., земли при сей церкви сѣнокосной 5 дес., имѣется готовая квартира; братскихъ доходовъ на причтъ получается до 180 р., душъ м. 848, ж. 916¹⁾.

А каковы праздныя мѣста въ Казанской епархіи?

Въ селѣ Чершалалахъ, Тетюшкаго уѣзда, одно штатное: жалованье отъ казны 160 р. въ годъ, помѣщеніе церковное, земли отмежевано 33 дес., но она еще за церковь не утверждена и причтъ временно пользуется вмѣсто нея ругой; прихожане—Мордва м. 434, ж. 441²⁾.

При церкви села Татмышева, Цивильскаго уѣзда 1-е священническое мѣсто; жалованья отъ казны 160 руб., земли пахатной 149¹/₂ дес., помѣщеніе церковное, прихожане—Чуваши, на долю 1-го священника 1786 м. и 1763 ж.³⁾.

Праздное псаломщическое мѣсто: въ селѣ Унжѣ, Царевовокшайскаго уѣзда; помѣщенія церковнаго нѣтъ, жалованья отъ казны 40 р., вмѣсто земли руга; прихожане—Черемисы 706 м. и 760 ж.⁴⁾.

Но достаточно; въ Казанской епархіи открывались въ прошломъ году вообще плохія мѣста. Перейдемъ *въ Тамбовскую* епархію. Здѣсь были вакантными слѣд. мѣста:

При церкви села *Сукманки* Борисоглѣбскаго уѣзда земли усадебной 3 дес., пахатной 95, сѣнокосной 5 дес., неудобной 2 дес., причта по штату положено быть 3 священникамъ, діакону и 3-мъ псаломщикамъ; содержаніе *посредственное*.

При церкви села Тростянаго Шацкаго уѣзда земли усадебной 1¹/₂ дес., пахатной 17 дес., сѣнокосной 4 дес., неудобной 16 дес., душъ м. 170; причта по штату положено быть священнику и псаломщику; для священника домъ церковный; получается пособіе отъ св. Синода въ количествѣ 112 руб. въ годъ.

При церкви села Грибоѣдова Моршанскаго уѣзда земли усадебной 3 дес., пахатной 66 дес. м. 1316, сверхъ того Молоканъ 105 м. и 100 ж.; причта по штату положено быть священнику, діакону и 2-мъ псаломщикамъ; церковныхъ домовъ не имѣется; получается $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 1470 р.; *содержаніе недостаточное*.

При Вознесенской церкви *г. Елатмы* земли никакой нѣтъ, душъ 212 м., причта по штату положено быть священнику и псаломщику; церковныхъ домовъ не имѣется; получается $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 730 р., *содержаніе бѣдное*⁵⁾.

1) Тамъ же, № 45.

2) Извѣстія по Казан. Епархіи 1893, № 9.

3) Тамъ же, № 12.

4) Тамъ же.

5) Тамбовскія епарх. Вѣд. 1893, № 31.

Вообще и въ тамбовской епархіи открывались въ прошломъ году мѣста посредственные и недостаточныя.

Въ *Тульской* епархіи были праздно слѣд. мѣста:

Села *Гранчинокъ*, Каширскаго уѣзда, церковной земли при одномъ священникѣ 49 дес 83 саж. въ томъ числѣ неудобной 23 дес. 383 кв. саж.... Причтъ получаетъ $\frac{1}{10}$ 6 руб. съ 150 руб., прихожанъ 335 душъ м. и 329 ж. Помѣщенія нѣтъ.

Села *Бълова*, Алексинскаго уѣзда, церковной земли при одномъ священникѣ 33 дес. Помѣщеніе есть. Прихожанъ 316 м. и 320 ж.

Села *Зарозъ*, Каширскаго уѣзда, церковной земли при одномъ священникѣ 36 дес. Помѣщенія нѣтъ; на содержаніе причта получается вспоможеніе въ суммѣ 111 р. 98 коп., прихожанъ 288 м. и 304 ж.

Села *Сухочева*, Бѣлевскаго уѣзда, церковной земли при одномъ священникѣ 35 $\frac{1}{2}$ дес. Помѣщеніе есть; прихожанъ 149 м. и 144 ж.

Села *Истомина*, Веневскаго уѣзда, церковной земли при одномъ священникѣ 38 дес. Помѣщенія нѣтъ; прихожанъ 276 м. и 294 ж.

Села *Гритчина*, Каширскаго уѣзда, церковной земли при одномъ священникѣ 36 дес., причтъ получаетъ $\frac{1}{10}$ съ 3343 (163 р.). Помѣщеніе есть; прихожанъ 245 м. и 242 ж.

Села *Никольскаго на Фимной Зушицъ*, Чернскаго уѣзда, церковной земли при одномъ священникѣ 36 дес. Помѣщеніе есть, прихожанъ 217 м. и 223 ж. и т. д. ¹⁾

Открывалось мѣсть вообще много, но все въ 200 душъ: не много завиднаго!

Въ *Полтавской* епархіи открывалось очень много мѣсть, особенно псаломщическихъ и пономарскихъ. Для образца укажемъ слѣдующія:

Села *Великаго Булатца* (Лубенскаго уѣзда)—второе псаломщическое мѣсто; жалованья положено 30 р. въ годъ, земли ружной 42 дес., домъ церковный; душъ м. 798, ж. 776.

Села *Городни* (Прилуцкаго уѣзда)—священническое мѣсто; жалованья 120 р., земли ружной 33 дес., домъ общественный; душъ м. 983 и ж. 980.

Села *Ивахниковъ* (Лохвицкаго уѣзда)—2-е священническое мѣсто; жалованья положено 70 р. въ годъ, земли ружной 32 дес., домъ общественный; число душъ: м. 2190, ж. 2265.

Довольно любопытное явленіе представляютъ здѣсь средства обезпеченія пономарей. Напр.

„При церкви села Ново-Ивановки—вознагражденіе пономарю—отъ прихожанъ 15 р. и добровольные доходы при требносправленіяхъ приблизительно около 30 р. и отъ церкви 10 р., всего 55 р.

„При церкви села *Заплавки Троицкой* (Константиноградскаго уѣзда)—содержаніе отъ причта по 4 коп. съ рубля братскихъ доходовъ, отъ прихожанъ небольшое пособіе хлѣбомъ, и 20 р. за учительство въ школѣ грамоты въ д. Миненковой“.

¹⁾ Тульскія Епарх. Вѣдом. 1893, № 21.

„При церквахъ мѣстечка *Сорокинскъ* и мѣстечка *Шихахъ* (Миргородскаго уѣзда) положено вознагражденія пономарямъ по 30 р. въ годъ и добровольные доходы отъ прихожанъ при требованіяхъ и за *занятіе въ школѣ грамоты* приблизительно 30 р. въ годъ“¹⁾.

Обязанностей много, а всего доходу приблизительно 60 р. въ годъ. Не отправится ли, читатель, за поисками хорошихъ мѣстъ въ другую епархію?

Въ *Подольскихъ* епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ отчетѣ о ревизіи церквей, произведенной въ сентябрѣ 1892 г. Преосвященнымъ Николаемъ, Епископомъ Балтскимъ, Викаріемъ Подольской епархіи, между прочимъ читаемъ:

С. Саватиновка (Балт. уѣзда). Священникъ изъ окончившихъ курсъ мѣстной семинаріи Порфирій Рженишевскій, по отзыву благочиннаго, пастырь энергичный, открывшій въ 4-хъ поселкахъ своего прихода въ каждомъ по школѣ грамоты и толково научившій всѣхъ своихъ прихожанъ повседневнымъ молитвамъ путемъ открытыхъ имъ же въбогослужебныхъ собѣдованій. Псаломщикъ Семень Добранскій, домашняго образованія, человекъ *бользненный*, но по службѣ исправенъ. Пономарь Никандръ Ловинскій, уволенный изъ III-го класса Шаргородскаго духов. училища, назначенъ на настоящее мѣсто въ концѣ Ноября 1891 г., но не явившійся къ должности по день ревизіи. *Притовныя помѣщенія очень стары, съ земляными полами*, между тѣмъ устройство новыхъ на очередь еще не поставлено здѣсь даже и на 1893-й годъ“²⁾,

Гдѣ же тысячные приходы съ благоустроеннымъ помѣщеніемъ обезпечивающіе если не богатое, то покрайней мѣрѣ безбѣдное содержаніе священника?

Безъ сомнѣнія они есть; но или мы не въ тѣхъ губерніяхъ искали ихъ, или на наше несчастіе въ прошломъ году они не открывались. Но изъ этого слѣдуетъ однако, что *въ большинствѣ* даже и священники не пользуются у насъ обезпечивающимъ безбѣдное существованіе положеніемъ, не говоря уже о прочихъ клирикахъ.

Какъ же ухищряются они вести жизнь свою, воспитывая въ школахъ дѣтей и выдавая дочерей за мужъ иногда съ тысячнымъ приданымъ и сберегая при этомъ еще кой что на черный день? Вообще говоря подобныя явленія трудно объяснимы и если они дѣйствительно есть, то объясняются

1) Полтавскія Епарх. Епарх. Вѣдомости 1893, № 8.

2) Подольскія Епарх. Вѣдом. 1893, № 45. Какъ бѣдствуетъ православное духовенство въ Олонецкой губерніи — иллюстрацію служитъ замѣтка: „Волюющее убожество“, напечат. въ Историч. Вѣстникѣ 1893. Октябрь, стр. 844.

единственно индивидуальною способностью приспособленія къ обстоятельствамъ, убійственнымъ урѣзываніемъ себя въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ и тою изворотливостью, характеризующею вообще русскаго челоука, которую онъ обнаруживаетъ, попавъ въ какую либо крайность и которая въ немъ засвидѣтельствована пословицею „бѣда деньгу родитъ“.

Большаго вниманія нашего заслуживаетъ тотъ *способъ*, какимъ духовенство собираетъ вообще средства къ своему существованію.

Какъ мы видѣли изъ представленныхъ выше данныхъ размѣръ годоваго жалованья, получаемаго изъ государственнаго казначейства или процентами съ вкладнаго капитала, не превышаетъ 200 р., откуда же и какъ получаютъ прочіе предполагаемые 400 и болѣе, какъ необходимые для содержанія себя лично и обучающихся въ школахъ дѣтей?

Конечно, разными средствами: прежде всего братскими доходами изъ церковной кружки, земледѣльческимъ трудомъ и главнымъ образомъ *приспособленіемъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ*. И вотъ здѣсь-то даетъ себя знать во всей неприглядности внѣшнее положеніе священника, обреченнаго на изысканіе самому средствъ вознагражденія за свою службу. Въ этомъ отношеніи каждый бѣдный чиновникъ, каждый по найму служащій работникъ не принуждается приносить такъ много жертвъ собственнаго своего достоинства какъ священникъ. Ибо каждый, кромѣ священника, получаетъ опредѣленное жалованье, получаетъ какъ должное безъ всякаго униженія и чувства обязательности и признательности тому, чрезъ кого получаетъ жалованье и при томъ самая опредѣленность и аккуратное полученіе его способствуютъ правильности, регулярности въ его расходованіи. Священникъ же всегда подверженъ случайности и—что главное—всегда ему присуще сознаніе, что много зависитъ и отъ него самого—увеличивается или уменьшается размѣръ его доходовъ. Отсюда у него источникъ вѣчныхъ нравственныхъ терзаній и источникъ зарожденія низменныхъ страстишекъ: зависти къ болѣе ловкому соуду, умѣющему лучше его эксплуатировать свое положеніе, борьба между жаждою увеличенія доходовъ и моральными требованіями безкорыстія или по крайней мѣрѣ гуманности. Вѣдь стоитъ

только представить себя, какъ священникъ обходя напр. рождественское свято, собираетъ средства своего содержания съ бѣдняковъ зерномъ или пятачками, чтобы живо представить эту нестерпимую для не привычнаго человѣка душевную муку! Ибо нерѣдко пятачекъ отдается послѣдній, оставшійся въ бѣдной семьѣ, рѣшето зерна берется изъ послѣдняго мѣшка всего хлѣбнаго запаса. Что же? Не брать этихъ пятачковъ и рѣшеть? Но въ такомъ случаѣ самъ останешься съ дефицитомъ, котораго не изъ чего иначе восполнить. А тутъ требованія семьи.

Но легче ли процессъ собиранія себя вознагражденія за служеніе для городского духовенства среди пасомыхъ своихъ имѣющаго тысячниковъ купцовъ?

Намъ рассказывали лица вполне достовѣрныя, что въ одномъ изъ богатыхъ приволжскихъ городовъ купцы-тысячники строго придерживаются обычая подавать съ просфорю на проскомидію не болѣе какъ *копѣйку сер.* Не много щедрѣ дача и на блюдо, съ которымъ обходитъ Богомольцевъ пономарь. — развѣ отъ стыда иной тысячникъ положить серебрушку. Иное дѣло тотъ же тысячникъ поѣдетъ съ визитами послѣ литургіи: тутъ расходовать приходится уже кредитными: швейцару хорошаго дома нельзя дать и серебруху, не то что копѣйку; необходимо для престижа рубль, а то и трешницу. Удивительно ли послѣ сего, что батюшка, иногда увѣшанный крестами и въ камилавкѣ, выходитъ изъ городского храма, послѣ раздѣла братской кружки, съ оттопыренными карманами, побрякивая жертвою добротныхъ дателей, словно богатый московскій князь Иванъ Калита. Конечно, не малую радость доставить онъ семьѣ своей, опорожнивая ей свою тяжелую мошну, наполненную монетами, которыя иной разъ прямо и неси въ музей, въ нумизматическій отдѣлъ онаго.

Да, собираніе своихъ доходовъ достается священнослужителямъ тяжкимъ искусствомъ приспособленія къ обстоятельствамъ, умѣньемъ располагать своихъ пасомыхъ къ пожертвованіямъ на церковь и служителей ея. И эти приспособленія къ обстоятельствамъ въ настоящее время почитается даже Епархіальнымъ начальствомъ не только совершенно естественнымъ призваніемъ священника, но какъ бы обязанностію службы, за исправное исполненіе которой онъ

заслуживаетъ одобреніе начальства. Такъ въ „Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (№ 19, 1893 г.), на первой страницѣ читаемъ: „*преподано архипастырское благословеніе Его Преосвященства церковному старостѣ N N за пожертвованіе имъ въ приходскую церковь вещей на сумму 250 руб., а приходскому священнику N N за умѣнье располагать лицъ къ пожертвованіямъ*“. Въ чемъ заключается это умѣнье—сказать трудно: каждая губернія, каждый городъ, можно сказать каждый приходъ представляютъ въ этомъ отношеніи свои особенности. Познать эти особенности и найти въ себѣ способность къ нимъ приспособиться—вотъ первая тяжкая задача, которую пастырь долженъ разрѣшить прежде и главнѣе всего вступивъ въ приходъ, въ который онъ получилъ назначеніе. Это—трудная, тяжкая обязанность, потому что она вообще требуетъ нравственной изворотливости, а подъ часъ прямо и нравственной ломки—пожертвованія своимъ достоинствомъ, честью, убѣжденіями, а иногда и требованіями пастырскаго и священническаго долга. А между тѣмъ выполненіе этой задачи необходимо: этого требуетъ семья, этого требуетъ причтъ, ибо такая или иная степень приспособительности священника чувствительно отражается на ихъ благосостояніи.

Какъ вредно отражается на священникѣ этотъ путь добыванія себѣ средствъ къ существованію—разъяснить излишне.

И конецъ бы дѣлу! Слѣдовало бы теперь переходить къ вопросу о мѣропріятіяхъ „по улучшенію матеріальнаго быта духовенства“; но здѣсь выступаетъ съ своимъ голосомъ третья фракція мыслителей по этому предмету и говоритъ: никакихъ улучшеній не нужно; все обстоитъ такъ благополучно, что улучшеніе было бы настоящимъ ухудшеніемъ. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что роскошь жизни должна быть чужда духовенству по самому его призванію: бѣдность не только не порокъ, но и прекрасный учитель умѣренности; что же касается *способа* снисканія пропитанія, практикуемаго духовенствомъ доселѣ, то и онъ имѣетъ за себя нѣкоторыя положительныя достоинства: во 1-хъ, сближаетъ духовенство съ народомъ, во 2-хъ—и это главное: научаетъ и внушаетъ духовенству *смирненіе*. Да, бѣдность и смиреніе суть добродѣтели, составляющія наилучшее укра-

шеніе священства. Поставьте рядомъ бѣднаго сельскаго священника въ плохой рясѣ, убѣленнаго сѣдиною, извѣдавшаго много нужды на своемъ вѣку и столичнаго протоіерея, или богатаго благочиннаго, цвѣтущаго полнотою и счастьемъ и спросите нашъ простой народъ, къ которому изъ сихъ двухъ іереевъ онъ охотнѣе пойдетъ, какъ къ пастырю? Да и сами-то вы, интеллигентный судья, кого изъ сихъ двухъ предпочтете? Безъ сомнѣнія—перваго. И вѣрно: не въ духѣ православнаго народа богатое и гордое священство: бѣдность и смиреніе—вотъ влекущія къ себѣ черты русскаго пастыря! И много убѣдительнаго и хорошаго говоритъ эта фракція. Но... въ этомъ хорошемъ звучитъ много фальши и лжи. Во 1-хъ, здѣсь часто смѣшиваются понятія „смиреніе“, „униженіе“, „гордость“ и „достоинство“; во 2-хъ, бѣдность, доходящая до нищеты, есть достоинство одинокаго человѣка и то подъемлемая добровольно, какъ подвигъ, для семьянина же—она всегда—недостатокъ, ни съ какой точки зрѣнія похвалы не заслуживающій; въ 3-хъ обезпеченное положеніе, не соединенное съ униженіемъ предъ людьми, никакъ не влечетъ необходимо отсутствіе въ человѣкѣ „смиренія сердцемъ“—качества дѣйствительно прежде всего требуемаго и желаемаго отъ пастыря. Вообще противъ мнѣнія этой фракціи можно легко представить столько же вѣскихъ доводовъ, сколько хорошихъ словъ она выпускаетъ.

Въ томъ и дѣло, что практикуемый донинѣ духовенствомъ способъ снисканія прокормленія (это — старинная русская и византійская „система кормленія“, всюду оставленная по непригодности) ведетъ какъ разъ къ результатамъ, нежелательнымъ ни для какой фракціи мыслителей. Ловкій человѣкъ, умѣющій приспособляться, съумѣетъ слѣдаться богатымъ и гордымъ и въ бѣдномъ приходѣ и т. обр., не угодитъ Лукѣ и третьей фракціи, а человѣкъ ведущій себя достойно своего званія и смиренный сердцемъ какъ разъ провалитъ или „уронитъ и богатѣйшій приходъ“—и не угодитъ второй фракціи.

Словомъ внѣшнія условія пастырскаго служенія русскаго духовенства не удобны безусловно, если взять во вниманіе только одну указанную выше сторону его быта.

Здѣсь главная причина — бѣгства даровитыхъ юношей

духовенства отъ служенія церкви стезею своихъ отцовъ, причина ихъ ренегатства, презрѣнія къ своему сословію и поиски „пробить себѣ дорогу“, хотя бы для сего потребовалось пробить лбомъ стѣну.

Здѣсь же, строго говоря, и конецъ бы статьѣ нашей, такъ какъ заглавіе ея ни къ чему дальнѣйшему не обязываетъ автора. Но во 1-хъ, такъ какъ у насъ сдѣлалось правиломъ не касаться вопроса о бытѣ духовенства безъ того, чтобы не сказать чего либо и на счетъ улучшенія его и во 2-хъ мы ничего не сказали о добрыхъ условіяхъ нашего пастырскаго служенія, то и почитаемъ нашу тему не совсѣмъ исчерпанною.

Въ первомъ отношеніи сами собою напрашиваются двѣ мѣры, какъ вытекающія изъ самаго положенія дѣла и не требующія никакихъ важныхъ реформъ. Во 1-хъ при различной доходности приходовъ назначать къ нимъ священнослужителей, принимая во вниманіе большую или меньшую тягость ихъ семейнаго положенія: многосемейные священнослужители должны занимать и богатѣйшіе приходы. При равенствѣ образовательнаго ценза въ нашихъ священнослужителяхъ такое правило не можетъ оказать какихъ либо вредныхъ послѣдствій: ибо самая многосемейность должна служить и сильнымъ мотивомъ къ ревности по службѣ. Между тѣмъ это правило внутренне справедливо и можетъ повести въ результатѣ къ уравнию матеріальнаго благосостоянія между духовными лицами, — что также очень важно, какъ средство противъ исканія богатыхъ мѣстъ изъ корыстныхъ побужденій.

Вторая мѣра, болѣе важная и болѣе рациональная, но она сложна и едва ли осуществима въ настоящее время: это — *радикальное измѣненіе системы кормленія отъ должности*. Совершить это измѣненіе можно такимъ образомъ: члены причта не должны получать никакихъ доходовъ — ни деньгами, ни плодами лично себѣ; а всѣ доходы доселѣ ими получавшіеся должны быть обращены въ церковные и слиты съ ними въ общее церковное казнохранилище. За тѣмъ по третямъ года, или чрезъ меньшій промежутокъ времени они должны быть отсылаемы въ епархіальное казнохранилище. Это послѣднее должно за тѣмъ чрезъ благочинныхъ или нарочито назначенныхъ лицъ выдавать духов-

нымъ лицамъ опредѣленное жалованье. Лучше этой мѣры придумать что либо невозможно кажется, тѣмъ болѣе, что начало ея хотя и въ микроскопическихъ размѣрахъ уже положено: ибо все духовноучебныя заведенія содержатся на церковныя деньги, собираемыя и расходуемыя такимъ путемъ. А между тѣмъ ни одинъ изъ служащихъ по духовноучебному вѣдомству, конечно, не ходитъ по домамъ православныхъ христіанъ собирать себѣ прокормленіе по кускамъ. Пора бы и съ духовенства снять эту весьма тяжкую обузу въ наше время. Кто воинствуетъ своими оброки когда? — спрашиваетъ Апостоль, имѣя въ виду, что отвѣтъ получится категорически отрицательный. Но собраніе „петровщины“ и „нови“ русскимъ духовенскимъ — этотъ прямой остатокъ системы кормленія, что иное означаетъ, какъ не то, что русское духовенство воинствуетъ на своемъ содержаніи. Эта система кормленія отъ должности есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ божественный законъ: „*служащій алтарю со алтаремъ дѣлается*“. Ибо по этой системѣ священникъ не шелъ въ міръ зарабатывать себѣ плату за священнической трудъ и получалъ ее въ количествѣ, зависѣвшемъ отъ оцѣнки его службы міряниномъ, а приходилъ лишь ко Алтарю и отъ него въ готовомъ видѣ получалъ необходимое для своего пропитанія. Эта же система, или точнѣе сказать это божіе установленіе, Божій Законъ принять и въ новозавѣтной церкви и былъ полно раскрытъ священными канонами. (См. Апост. прав. 3 и 4; 40 и 41; Соб. Гангр. 7 и 8; Антиох. 24 и 25). По этой канонической системѣ цѣлая епархія со всеми приходами, городскими и сельскими, ее составляющими, въ экономическомъ отношеніи мыслится какъ единица, состоящая изъ разныхъ частей. Отдѣльные приходы, равно какъ и прямо доходныя статьи, какъ то земельныя участки, виноградники, дачи, или плантаціи, находящіяся на енархіальной территоріи состоятъ подъ высшею властію епископа, который чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ (и главнымъ образомъ чрезъ послѣднихъ), а впоследствии чрезъ церковнаго *эконома* (Оеоф. Александр. прав. 10 и 11; IV Всел. соб. прав. 17, 26) и управляетъ доходами и расходами всехъ частей этой экономической единицы. II въ православной русской церкви, въ дѣйствующемъ ея законодательствѣ о церковномъ хо-

зайствѣ, есть отголосокъ этой системы. Ибо и у насъ имущество каждой приходской церкви состоитъ въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства и мѣстный причтъ безъ нарочитаго уполномоченія епарх. начальства не можетъ вчинать никакого дѣла, касающагося имущества приходской церкви. Указываемая нами реформа церковнаго хозяйства не есть, слѣдов., вѣчто нами измышленное, а есть лишь болѣе широкое примѣненіе системы канонической и дѣйствующаго нынѣ русскаго церковнаго права.

Въ русской православной церкви имѣется и еще богатый источникъ доходовъ, который однако же до сихъ поръ не даетъ ихъ въ томъ изобиліи, какое могъ бы давать, по той простой причинѣ, что онъ весьма плохо эксплуатируется. Этотъ источникъ—церковныя земли и угодья. Разсѣянные клочками, иногда впроч. и большими (напр. въ сотни десятинъ) эти земли по частямъ и эксплуатируются самымъ патріархальнымъ образомъ, иногда собственноручнымъ трудомъ причтовъ; угодья напр., лѣсныя находятся въ самомъ жалкомъ состояніи и весьма нерѣдко расхищаются, не защищенные никакою охраною. Каждый членъ причта, даже и цѣлый причтъ, какъ хозяинъ своего маленькаго земельного участка, конечно, безсиленъ разрабатывать его какъ должно. Но стоитъ взглянуть на эти клочки, какъ на части одного цѣльнаго хозяйства, поставленнаго вполнѣ рачіонально—тогда дѣло совершенно измѣнится. Отчего бы въ видѣ опыта, въ какой либо небольшой, находящейся на окраинѣ Россіи, епархіи не произвести возстановленія указываемой нами канонической системы церковнаго хозяйства?

Но сознавая себя не весьма компетентными въ вопросахъ финансоваго характера, мы прекращаемъ всякія дальнѣйшія разсужденія этого рода, ограничиваясь лишь выраженіемъ искренняго желанія обратить на этотъ предметъ вниманіе свѣдущихъ людей. Наша главная задача въ этомъ отношеніи указать *путь* не къ *увеличенію* средствъ содержанія духовенства, а—къ преобразованію практикующагося доселѣ способа добыванія ихъ, унижающаго и тормозящаго пастырское служеніе. Пастырь церкви—т. е. въ данномъ случаѣ приходскій священникъ долженъ быть совершенно освобожденъ и устраненъ отъ всякихъ заботъ и отвѣтствен-

ности въ церковно-финансовой сферѣ: они должны быть всецѣло возложены на *діаконовъ*; это ихъ изначальное, апостольское призваніе „не угодно есть намъ оставльшимъ слово Божіе служить трапезамъ. Усмотрите убо братіе мужи отъ васъ свидѣтельствованы седьмъ, исполнены Духа Свята и премудрости, ихъ же поставимъ надъ службою сею: мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ“ (Дѣян. VI, 2),

Есть и благопріятныя, даже очень благопріятныя условія для православно-пастырскаго служенія въ настоящее время въ средѣ нашего народа. Сюда относится прежде всего религіозность нашего народа искони характеризовавшая его. Говорятъ, что нынѣ она ослабѣла. Едва ли; не религіознымъ быть русскому человѣку нельзя: ибо съ одной стороны въ немъ слишкомъ даетъ себя знать его „сердечность“, выражающаяся въ періодически подступающихъ приступахъ тоски и сокрушенія о своихъ дѣянiяхъ, равно какъ и въ „жалости“ ко всякаго рода несчастіямъ ближняго, съ другой—въ его крайне скептическомъ отношеніи къ разнаго рода учрежденіямъ и мѣропріятіямъ, рекомендуемымъ ему для его благоустройства. Мошенничаетъ, мошенничаетъ, безпутствуетъ, безпутствуетъ русскій человѣкъ и вдругъ ни съ того, ни съ сего повидимому ударится въ тоску. И мучится онъ въ этой тоскѣ, пока не удумаетъ онъ крѣпкую думу, не разрѣшится твердымъ рѣшеніемъ предпринять какой либо благочестивый подвигъ: идетъ въ далекое путешествіе ко святымъ мѣстамъ, надѣваетъ на себя вериги, идетъ со сборомъ на храмъ Божій; или если онъ состоятеленъ—прямо обращается съ крупнымъ пожертвованіемъ на благоуукрашеніе храма въ поминъ души родителей и въ искупленіе своихъ грѣховъ. Предъ глазами нашими пронеслось нѣсколько примѣровъ, что большую часть жизни человѣкъ жилъ въ одно — работаль мамонѣ, не щадя ни своей совѣсти, ни ближнихъ, сколачиваль капиталъ, потомъ разжирѣвъ до приличныхъ размѣровъ сталъ величаться надъ своими бѣдными собратьями, высокомѣрно относиться къ волостнымъ начальникамъ, къ духовенству, къ самой церкви, словомъ сдѣлался на время кулакъ кулакомъ. Но прискучило ему это изолированное положеніе и въ „себе пришедъ“, обратился къ священнику (куда въ деревнѣ болѣе обращаться?),

началь благотворить бѣднымъ, устраивать душу по древнерусскому обычаю и умерь добрымъ христіаниномъ. Или вотъ другой примѣръ изъ множества: жилъ себѣ мужичекъ — кузнецъ средняго достатка, попивалъ, но извѣдка; потомъ постигло его несчастье — погорѣлъ. Кое-какъ построилъ свой дворикъ, позадолжалъ. И дворикъ вышелъ не то, что было прежде, да и долгъ сосеть, сосеть, точно червь. Какъ тутъ не запить? И началъ онъ учащать и увеличивать приемы зелена вина; дѣло стало отбиваться отъ рукъ, спознался съ кабацкими завсегдатаями и темныхъ профессій мастерами, дома нищета и отчаяніе, а у него фізіономію раздуло такъ, что собственныя дѣти стали бояться. И догулялся молодецъ до того, что одинъ изъ ворешекъ оговорилъ его въ сообществѣ съ собою по одной кражѣ. Пришлось остепениться, взятыя за застывшую кузницу и молотъ. Но не тутъ то было! Судья (земскій начальникъ) приговорилъ его къ трехмѣсячному аресту. Кланялся, кланялся ему нашъ мужичекъ; Христомъ Богомъ молилъ наказать его какъ нибудъ иначе, но не обречать на столь долгое бездѣйствіе въ кутузкѣ, когда жена и дѣти въ голодѣ и холодѣ. Судья былъ неумолимъ: „можешъ обжаловать приговоръ“! — и только. Ничего болѣе не добился отъ него кузнецъ. Оставилъ онъ земскаго начальника и зачистилъ въ церковь: стоитъ въ ней цѣлую утреню, не шелохнется, а по окончаніи ея закажетъ молебень съ акаѳистомъ. Церковь и кузница стали теперь для него единственными убѣжищами отъ людской молвы, позора, домашнихъ сценъ, внутреннихъ терзаній. Судьба порадовала его: нашелся ходатай, который сѣумѣлъ добиться отъ него приговора строгаго судьи. Ободрился кузнецъ, но храма Божія посѣщать не пересталъ и живетъ себѣ!

Рядомъ съ этою живучестью и энергіею чувства уживается въ русскомъ человѣкѣ упорный скептицизмъ на счетъ доброкачественности гражданскаго прогресса, т. е. тѣхъ мѣропріятій и учрежденій какія ему рекомендуются въ качествѣ средствъ къ его развитію и поднятію его благосостоянія. Съ недовѣріемъ смотритъ онъ на земство, на свое волостное самоуправленіе, на новые суды, на вольную частную жизнь народившагося послѣ реформы молодаго поколѣнія. Народились какіе-то новые порядки, въ которыхъ

какъ въ лѣсу—не знаешь куда идти, на кого и на что опереться. Какъ будто они по наружности и хороши, но народъ куда сталъ слабъ и хитеръ: опутають, обойдутъ ловкіе люди, такъ что лучше подальше отъ нихъ, знать лишь себя, а въ общественныя дѣла не соваться. Только вѣра въ церковь православную какъ надежную и несомнѣнную моральную опору живетъ еще тамъ, гдѣ ее не трогаетъ прозелитизмъ рационалистическихъ сектантовъ. Только въ церкви живетъ вѣчная, неизмѣнная и нелицепрятная правда Божія, предъ которою виновны и грѣшны всѣ люди въ одинаковой мѣрѣ, безразлично къ ихъ званію и положенію. Только подчиняясь ея законамъ и порядкамъ можно быть увѣреннымъ, что никогда не пропадешь, равно какъ и отъ праведнаго суда Божія за нарушеніе этого закона никуда и никто не увернется. Но съ другой стороны нигдѣ какъ здѣсь же не останется безплодною мужицкая слеза, орошающая его мольбу о пощадѣ, о милости, въ которыхъ отказываетъ жестокосердый, черствый міръ. Эта вѣра въ Божію правду, страхъ предъ нею и въ то же время надежда на возможность вымолить пощаду и помощь суть элементы, изъ коихъ слагается отношеніе русскаго человѣка къ своей церкви. Какъ же послѣ этого быть ему не религіознымъ? Итъ, нельзя ему обойтись безъ храма Божія, хотя онъ и лѣнится посѣщать его въ добрую пору своей жизни, когда все еще обстоитъ благополучно. Что дѣлать, „земля, господине, такова“: „не грянетъ громъ, мужикъ не перекрестится“!...

Православный пастырь долженъ весьма дорожить этимъ отношеніемъ русскаго народа къ церкви. Ничѣмъ такъ глубоко не оскорбляется послѣдній на своего пастыря, какъ недостаточно благоговѣйнымъ и серьезнымъ его отношеніемъ къ церковной святынѣ. Въ частной жизни, въ гостяхъ—русскій православный все извинитъ, все проститъ священнику, но какого либо либеральничанья на счетъ вѣры—никогда. Поэтому священнослужитель ревностно отправляющій службу, аккуратно исправляющій требы въ домахъ крестьянъ и выражающій любовь къ храму благоговѣйнымъ къ нему отношеніемъ и заботою о хорошемъ его содержаніи, всегда пользуется въ глазахъ прихожанъ такимъ уваженіемъ и такимъ довѣріемъ, какого ничѣмъ другимъ не при-

обрѣтешь, и какимъ не пользуется ни одинъ начальникъ. Слово такого священнослужителя весьма авторитетно для крестьянина.

Это первое благопріятное условіе пастырскаго служенія въ Россіи. Это—тучная, подготовленная почва, только сѣй. Православному пастырю не нужно употреблять усилій къ поднятію своего пастырскаго авторитета какими либо изобрѣтеніями своего генія: будь самъ исправенъ въ отношеніи выполненія требованій церковнаго устава и пастырскій авторитетъ твой обезпеченъ. Но... можетъ ли ручаться такой пастырь за то, что онъ не уронитъ доходовъ, не своихъ, замѣтьте,—свои ему не дороги,—но доходовъ причта и самого приходскаго храма? И вотъ на нашихъ глазахъ примѣры—что и „хорошъ бы священникъ, да долго служить, а намъ время дорого: послѣ ранней нужно чайку попить и поспѣть вовремя на базаръ“! — Такъ говорятъ одни. А въ другомъ мѣстѣ староста протестуетъ: много свѣчъ сгораетъ за длинными и будничными службами, а народъ нынѣ слабъ сталъ, любитъ поскорѣе. Что толку, что хорешъ попъ! Церкви-то убытокъ“! — Этому мнѣнію вторитъ и причтъ. Приспособленіемъ не обладаетъ этотъ добрый пастырь! Какія страданія, муки причиняетъ въ подобныхъ случаяхъ отвратительная система кормленія этому доброму пастырю — это, конечно, знаетъ онъ и Всевѣдущій! Народъ любитъ и почитаетъ такихъ пастырей и даже сочувствуетъ ихъ страданіямъ, но только сочувствуетъ!

Второе благопріятное условіе пастырскаго служенія, — это—моральная безпринципность и отчасти расшатанность нашего народа и жажда исканія твердыхъ устойчивыхъ нравственныхъ принциповъ. Отъ одного опытнаго наблюдателя сельской современной жизни, лица весьма компетентнаго мы слышали: „изъ пріятельскихъ интимныхъ сношеній (въ гостяхъ за чаепитіемъ) съ здѣшними богачами я вынесъ убѣжденіе, что народъ нашъ не имѣетъ никакихъ понятій о государствѣ, о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ, о бракѣ, словомъ онъ совершенно не воспитанъ и никто его не воспитываетъ. Самый грубый эгоизмъ — единственное основаніе всѣхъ его отношеній: отбылъ повинность, уплатилъ подать — знать ничего не знаю, самъ себѣ господинъ; что такое жена, семья?—вотъ!—сжимаетъ

онъ при этомъ кулакъ — и больше ничего“. — И дѣйствительно, довольно не особенно глубокихъ и обширныхъ наблюденій надъ бытомъ сельскаго населенія, довольно нѣкотораго вниманія къ откровеннымъ сужденіямъ современнаго крестьянства, чтобы вполне признать вѣрность выше указаннаго сужденія. Въ народѣ всюду слышатся жалобы на упадки семейнаго начала: дѣти не почитаютъ родителей, не признаютъ ихъ авторитета, жены не слушаются мужей, мужа не внимательны къ законнымъ притязаніямъ жены и семьи; всюду слышатся жалобы на волостные порядки: начальниковъ много, а истиннаго, настоящаго начальства нѣтъ; *страху нѣтъ* (т. е. сознанія отвѣтственности предъ долгомъ, предъ закономъ). „А развѣ, дѣдушка, прежде лучше было, лучше жили люди?“ — спросишь такого жалобщика. — „Лучше“ — категорически отвѣтитъ онъ. — „Чтоже всѣ были послушливы, честны, покорны, не пьянствовали, не безобразничали, святые были?“ — Нѣтъ, не святые: грѣха всегда было много, да прежде была совѣсть въ людяхъ, а теперь нѣтъ. Набѣдитъ что нибудь молодецъ, али дѣвка, али молодуха — задашь во какую трепку — и ничего не отвѣчаютъ, а признаются: виновать моль, батюшка, такъ и такъ случилось; не буду больше, — и повинится; инда жаль самому станеть, что крутенько обошелся; самъ же и смиришься; ну ладно, ладно! — совѣмъ простишь. А нынче Эхъ!“ — И съ отчаяніемъ махнетъ рукой старина.....

Можно ли дальше возражать? Старику, конечно, нельзя возражать съ надеждою быть убѣдительнымъ для него. Но неужели это и въ самомъ дѣлѣ правда? Неужели старый дореформенный бытъ съ его крѣпостничествомъ и бюрократизмомъ лучше воспитывали народную нравственность, чѣмъ въ наше время воспитываютъ наши гражданскія учрежденія, нашъ новый общественный и семейный укладъ?

„И никто его не воспитываетъ!“ — звучать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ слова нашего наблюдателя. Но какъ же „никто“? А учрежденія? Земство, суды, выборное начало, гласность, свобода отъ податей, всеобщая воинская повинность, равноправность, свобода вѣроисповѣданія, народное образованіе? — Ужели они не воспитываютъ? Ужели они не хороши? — „Хороши, слова нѣтъ“ — отвѣчаетъ мой собесѣдникъ, но „люди — подлецы; *нѣтъ людей цѣльныхъ*. Въ наше

время у насъ могутъ испортить всякое хорошее учрежденіе: завидною, можно сказать, способностію обладаетъ въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ. Кажется къ стѣнѣ иного припрешь: прикинется казанской сиротой, или дуракомъ, молчитъ, глазами хлопаетъ, знать не знаетъ, ничего не понимаетъ, и довѣришься: ну, глупъ молъ, а смотришь—надулъ, провель и самъ же ухмыляются нахальнѣйшимъ образомъ: просто изувѣчилъ бы подлеца!“—Значить все таки умная нація, русскій народъ! Съ этимъ единственно отраднымъ для національнаго чувства заключеніемъ прекращаешь бесѣду и съ стариками—крестьянами и компетентными наблюдателями современнаго народнаго быта. Убѣдительно ихъ рѣчи, но тѣмъ не менѣе чувствуется нѣкоторый излишекъ, напраслина въ ихъ пессимизмѣ и мизантропіи.

Самая жизнь представляетъ собственному возрѣнію радостныя явленія, которыхъ отрицать нельзя, не утративъ вѣры въ показанія собственныхъ глазъ.

Въ одномъ и томъ же деревенскомъ захолустьѣ намъ случайно пришлось проѣзжать дважды: 20-тъ лѣтъ тому назадъ и въ прошломъ году, и вотъ какая разность между прежнимъ и нынѣшнимъ состояніемъ сельской жизни бросилась намъ въ глаза: 20 лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ NN были обыкновенныя крестьянскіе дворишки почти на одинъ манеръ и въ концѣ деревни воздвигалось новенькое зданіе: что имѣло быть?—„кабакъ“—отвѣчали намъ. Въ ближайшемъ за тѣмъ селеніи мы встрѣтили тотъ же рядъ крестьянскихъ дворовъ, въ концѣ—строющееся зданіе и на вопросъ: что имѣетъ быть,—получили тожественный, короткій отвѣтъ: „кабакъ!“ Но въ этомъ же селеніи намъ повстрѣчалось и слѣдующее явленіе, глубоко залавшее въ душу: посреди селенія небольшой каменный съ обвалившеюся штукатуркою храмъ, недалеко отъ него наглухо заколоченный барскій домъ, около храма деревянная часовня и возлѣ нея стоитъ съ деревяннымъ блюдомъ длиннополая фигура съ обтрепаншеюся косицею (пономарь, конечно) и кланяется (село на тракту и потому пономарь, какъ слышитъ колокольчикъ, сейчасъ и бѣжитъ къ часовнѣ, чтобы у проѣзжихъ выпросить на свое деревянное блюдо). „Что ты тутъ стоишь, отецъ, какъ будто не на мѣстѣ?“—спрашивалъ я. — „Да что дѣлать?“—отвѣчалъ онъ: „церковь была барская, при-

ходъ малый, приписали къ сосѣднему; попа перевели на другое мѣсто, дьячекъ—старикъ померъ, *спасохся азъ одинъ*—заключилъ онъ, не то злорадно, не то самодовольно, пародируя зловѣщаго библейскаго вѣстника. Какъ-то угнетающе-тяжело прозвучала для насъ эту пародію комичная фигура пономаря...

Проѣзжаемъ тою же мѣстностью 20-тъ лѣтъ спустя. Въ деревнѣ NN въ средѣ крестьянскихъ дворишекъ замѣчаются новые красивенькіе домики, крытые окрашенною дранкою; въ концѣ наглухо заколоченное покривившееся зданіе (бывшій кабакъ, по приговору общества закрытый); по дорогѣ въ ближайшее селеніе мы нагнали толпу мальчишекъ и дѣвченокъ: это — школьники; весело бѣгутъ они въ село, съ сумками и съ платками, въ которыхъ завернуты книжки. Молодежь идетъ бойко и весело. „Здравствуйте баринъ!“—послышалось изъ этой молодой толпы, когда мой тарантасъ поровнялся съ нею. „Здравствуйте!“—отвѣчаю я. Въ селеніи—опять новости: церковь недавно вся окрашена, часовня оправлена и заперта, но сквозь дверное стекло виднѣется огонекъ лампады предъ иконой; никакого пономаря нѣтъ; но напротивъ церкви по другую сторону дороги—новенькій домикъ—общественный для священника; на мѣстѣ запустѣлаго барскаго дома—красуется новый домъ подъ зеленою желѣзною крышею съ вывѣскою: „Церковно-приходская школа“ и внизу полукругомъ по синему фону золотыми словами изображенъ слѣдующій девизъ: *„прїидите чада послушайте мене, страху Господню научу васъ“*.—На мѣстѣ кабака—то же заколоченное покривившееся зданіе.

Все это, читатель, вы можете сочесть аллегоріею, притчею: но смѣемъ вамъ ручаться—все это дѣйствительно существуетъ и вы можете увидѣть это собственными вашими глазами...

Намъ удавалось проникать съ своимъ наблюденіемъ и во *внутрь* школы, только уже городской, а не сельской и при томъ школы дѣвочекъ на урокахъ *закона Божія*. Интересъ, съ какимъ весьма юныя ученицы слушали рассказы изъ священной исторіи, ихъ вопросы къ учителю объяснить непонятное для нихъ; вниканіе въ детали событія, въ характеры лицъ, одобреніе или порицаніе ихъ поступковъ—

поразительны. Дѣти—если дать имъ свободу—не сдержанны въ своей любознательности: они спрашиваютъ учителя рѣшительно обо всемъ и связываютъ свои, переживаемыя ими, чувствованія, наблюденія съ лицами и событіями давно миновавшихъ дней. Съ полною откровенностію они высказываютъ свои сужденія обо всемъ для нихъ доступномъ, т. е. высказываютъ свои *индивидуально-моральныя воззрѣнія*. Исторія ветхаго завѣта постоянно, по моимъ замѣчаніямъ, переимѣнивалась уроками морали, политики, частной и общественной жизни. На вопросъ мой учителю—какимъ образомъ онъ рѣшается категорически давать отвѣты на всѣ эти вопросы, когда есть опасность на противорѣчить себѣ самому, даже прослыть профаномъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ цивилизованной жизни, которыя иной ученицѣ извѣстны болѣе чѣмъ ему—онъ отвѣчалъ: „самымъ лучшимъ руководствомъ для себя я считаю самую библію; прочитаю требующійся для урока рассказъ по библіи и передаю его. При такомъ методѣ я такъ освоился съ библейскимъ воззрѣніемъ на *жизнь человѣческую*, что я не ощущаю никакого затрудненія сразу отвѣчать на самый неожиданный вопросъ, взятый изъ жизни. Что мнѣ за дѣло, какъ думаютъ объ этомъ предметѣ въ обществѣ, въ томъ или иномъ сословіи? У меня въ такихъ случаяхъ твердый принципъ: пусть тамъ думаютъ какъ угодно, а *по закону Божію* вотъ какъ нужно поступать и думать! Ну, а ужъ съ закономъ-то Божіимъ самъ я настолько освоился, что, по крайней мѣрѣ, предъ моими ученицами ни въ какое противорѣчіе не впаду“.—Что будешь дѣлать съ этимъ моралистомъ и политикомъ—„батюшкой“, конечно?!..

Школа и жизнь въ настоящее время, при такихъ учителяхъ, пошли слѣдовательно нераздѣльно, но крайней мѣрѣ, *юная жизнь*. Въ жизни отцовъ царитъ пока безпринципность, расшатанность нравственныхъ воззрѣній, правилъ, обычаевъ, нѣтъ цѣльныхъ людей; а въ юной жизни нѣтъ ничего этого; здѣсь безусловно царствуетъ *законъ* и никакихъ увертокъ отъ него и никакихъ возраженій противъ него не допускается: ибо въ такихъ случаяхъ преступникъ будетъ уличенъ въ *незнаніи* или въ *непониманіи закона*; ему резонно покажутъ, что онъ мелко плаваетъ.

Но почему же „батюшкѣ“ не проводить эту своеобраз-

ную и необыкновенно устойчивую мораль и политику и въ жизнь отцовъ? Вѣдь всѣ же они жалуются, что теперь въ мірѣ не только нѣтъ правды, но даже всякъ по своему судить о томъ, что такое есть самая-то правда, или лучше сказать, никто и не знаетъ—въ чемъ состоитъ правда, по крайней мѣрѣ, самъ не убѣжденъ въ томъ, что его правда дѣйствительно и есть настоящая правда? Въ отвѣтъ на это нужно сказать, что и въ настоящее время „батюшка“ далеко не безвліятеленъ въ семъ отношеніи. Каждый разъ „на духу“ онъ и проводитъ эту мораль и эту политику; то же самое дѣлаетъ онъ и тогда, когда къ пасомому его подступитъ „тоска“ и сокрушеніе о своихъ дѣянїяхъ, или просто пришибетъ его какое-либо несчастіе такъ, что кромѣ церкви и батюшки его никто не привѣтитъ, никто кромѣ нихъ не смотритъ на него даже и „какъ на человека“.

Но это вліяніе болѣе или менѣе случайно и не такъ глубоко и всесторонне, какъ вліяніе законоучителя на учениковъ и—главнымъ образомъ—*не обоюдо-дѣйствительно, не обоюдо-обязательно*. Дѣло въ томъ, что теперь, при невоспитанности пасомыхъ они лишь безусловно—въ лучшемъ случаѣ—слушаютъ обличеніе или наставленіе священника, не будучи въ состоянїи сами разсуждать или съ своей стороны указывать ему на его непослѣдовательность, противорѣчіе себѣ, конечно, всегда возможное. Но мы представимъ себѣ то время, когда воспитанные законоучителемъ школьники сдѣлаются возрастными его пасомыми и при представившихся поводахъ будутъ обращаться къ нему съ своими вопросами, недоумѣнїями, припоминая прежніе уроки своего учителя и видя напр. въ немъ самомъ, въ его поступкахъ, или словахъ противорѣчія: тогда священнику уже представится необходимость или каждый разъ признаваться въ собственной непослѣдовательности, или же въ дѣйствительности стоять постоянно на такой высотѣ, быть постоянно такъ внимательнымъ къ себѣ и къ своему стаду, какъ были бодрственны и высоки предстоятели церкви первыхъ вѣковъ, или какъ теперь—лишь немногіе избранныки. Такимъ образомъ воспитывая теперь юныхъ школьниковъ, пастырь въ будущемъ приготавливаетъ себѣ строгихъ судей, съ которыми нѣкогда ему необходимо будетъ считаться,

поднимая ихъ теперь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ невольно заставляеть и ихъ поднимать его.

Это совершенно ясно и конечно весьма желательно. Но каковъ то этотъ подъемъ для пастыря? Да, если и теперь его житейская обстановка создаетъ для него почти не перестающее драматическое положеніе, борьбу между долгомъ и насущными требованіями жизни, то во сколько разъ увеличится этотъ драматизмъ въ будущемъ? Что же дѣлать? Ужели въ виду этого угрожающаго обремененія своего положенія нашимъ пастырямъ слѣдуетъ относиться слегка, формально къ осуществленію стремленій правительства всюду укоренить церковныя школы, сдѣлать ихъ такою же принадлежностью русской народнои жизни, какою сдѣлались уже для нея храмы Божіи? Да не будетъ сего! Въ ободреніе себя современный пастырь можетъ быть увѣреннымъ, что въ своихъ воспитанникахъ онъ со временемъ найдетъ не только судей, но и друзей своихъ, но друзей умныхъ, просвѣщенныхъ, которыхъ не собьютъ съ толку никакіе непризванные просвѣтители народа, которыхъ разводится теперь такъ много и къ которымъ самъ народъ чувствуетъ инстинктивное отвращеніе. Онъ можетъ ободрять себя надеждою, что его будущіе судьи разсудятъ, какъ нелѣпо нести къ алтарю Господню копѣйку въ качествѣ жертвы Богу и священнику, и въ то же время не жалѣть трехсотъ такихъ копѣекъ швейцару своего пріятеля, что бы не испортить съ нимъ хорошихъ отношеній или по крайней мѣрѣ не осрамиться. Да, юный, съ любовью внимающій теперь рѣчамъ учителя своего законникъ невольно воспитываетъ въ себѣ не только страхъ предъ Богомъ, но и *стыдъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разумную любовь къ своему учителю. Но въ видахъ воспитанія этихъ чувствованій со стороны пастыря-законоучителя необходимо одно: не смотрѣть на преподаваніе своего предмета, какъ на преподаваніе Ариметики или всякой другой науки. Въ преподаваніи закона Божія не столько нужно выполненіе широкой программы, механической точности въ отчетахъ учениковъ, сколько глубина и искренность чувства. Учитель долженъ прежде и болѣе всего помнить, что онъ преподаетъ законъ *жизни*, а не законъ отвлеченной мысли и долженъ помнить, что этотъ законъ есть выраженіе безконечной *любви* Божіей къ человѣку. Отсюда къ библей-

скому праведнику, ревностно исполнявшему этотъ законъ, учитель долженъ внушать въ ученикахъ не только уваженіе и удивленіе, но и прямо *любовь*: этою же любовью пастырь-учитель долженъ проникать свои отношенія и къ своимъ юнымъ законникамъ. А пайдти возбужденіе этой любви въ собственномъ сердцѣ — не трудно: его даетъ сама святая библія—это лучшее изъ всѣхъ руководство Закона Божія.

Да, въ настоящее время православное духовенство переживаетъ важный моментъ: если во благо народа русскаго оно принесетъ теперь свою жертву, оно можетъ вѣрно разсчитывать, что оно въ будущемъ найдетъ себѣ и отраду въ поднятїи своего не только моральнаго, но и матеріальнаго положенія. Не нужно терять изъ виду важности этого момента: не воспользуется этимъ моментомъ духовенство, воспользуются иные учителя—во вредъ всему русскому народу и прежде всего во вредъ его священству. При этомъ воспитаніе дѣвочекъ пастыремъ должно обращать на себя вниманіе пастыря не только равное, но даже еще и большее.

Н. Заозерскій.
